

Интеллектуальное событие

От редакции

В подборке публикуются статьи авторов, принадлежащих к философскому поколению 1970–1980-х годов.

В.П. Макаренко

«РОЖДЁННЫЕ В ГОДА ГЛУХИЕ...»¹

А.Л. Доброхотов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: В статье на фоне судьбы поколения, чья акме совпало с 70–90-ми гг., идет речь о возможности связать распавшиеся времена даже тогда, когда «на разрыв» работала машина мощной и, как тогда казалось многим, вечной империи. Особенности «философского поколения» последней трети XX в. освещаются в контексте личного опыта автора, культурной характеристики позднесоветской эпохи, функционирования культурных институтов, диалога и взаимодействия поколений. Характерной чертой этого поколения видится доминанта истории философии, под эгидой которой зачастую шли процессы осмысления острых проблем современности. Утверждается, что межпоколенческий диалог может состояться даже в созданных государственной идеологической политикой условиях целенаправленной изоляции индивидуумов и групп как друг от друга, так и от современной международной общественности. Особое внимание уделяется феномену «культурологии»: науке, которая была, с одной стороны, искусственным продуктом «перестройки», но с другой – результатом плодотворных попыток преодолеть выпадение из мировой культуры, интегрировать накопленное в предыдущих эпохах гуманитарное знание в некую целостность. В зеркале культурологии отразилась вся динамика поколений конца XX в.

Ключевые слова: динамика поколений, межпоколенческий диалог, позднесоветская эпоха, рождение культурологии, книги и люди 70–90-х гг.

Что такое – поколение в культуре? Правомерно ли говорить о «философском поколении»? Пожалуй, неправомочно. Поколение людей, чья профессия – философия, это не слыш-

¹ Первая публикация была осуществлена в издании: Доброхотов А.Л. «Рождённые в года глухие...». – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 491–502.

ком показательное социальное явление. Настоящее «философское поколение» – это призванные и востребованные временем мыслители. Но такое бывает редко. Перечислить эти поколения не составляет труда: плюс-минус 200 лет в трех версиях – в античности, средневековье и модернитете. В России – примерно 70 лет от Вл. Соловьева до «философского парохода» (1922). Анализировать морфологию этих поколений действительно интересно.

Но вообще понятие поколения для культурологии довольно важный инструмент. Дело в том, что здесь совпадает ритм природного развития индивидуума и чередование волн развития культурной эпохи. Культура – это информационный процесс, и она как бы стремится использовать самые информационно эффективные состояния общества. Таков, в частности, диалог поколений. Формирование личности подростка и молодого человека предполагает критическое отношение к действительности; это период конфликта, скепсиса, ориентации в мире, своего рода перезагрузки традиций, и культура пользуется этой экзистенциальной энергией молодости для того, чтобы решить назревшие проблемы. Но чтобы поколение стало значимым, необходима активность того, что Тойнби (Arnold Joseph Toynbee) назвал системой «Вызов – Ответ» (challenge and response). Может длиться череда «молчащих» поколений, и может появиться поколение, которое становится исторически значимым, если оно получило вызов истории. В 90-е гг. была популярна теория Штрауса (William Strauss) и Хау (Neil Howe), описывающая повторяющиеся циклы поколений в истории США. При всей ее яркости и остроумии, она изображала взлеты и упадки творческой энергии поколения так, словно они проходили с фатальностью смены времен года. Однако у культуры нет такой детерминации, как у природы. Культура создает своего рода символическую среду со своим определенным ландшафтом, со своими – если угодно – «полями», в которых действуют силовые линии, но сказать этим силам «да» или «нет» может только субъект воли (в том числе и коллективный – такой, как поколение). Поэтому не стоит искать автоматизм в динамике поколений.

В концепте поколения соединяются факторы личного возраста и диалога возрастных групп. Причем «поколение» это не только конфликт отцов и детей. На самом деле это диалог дедов, отцов и детей. Типична ситуация, при которой дети конфликтуют с отцами, но обретают солидарность с дедами. И это «рифмуется» с устройством смены эпох, в котором видна культурно-информационная мудрость истории. Дело в том, что состояние конфликта позволяет обозначить экстремумы – предельно далеко отстоящие друг от друга точки мировоззрений, идеалов, ценностей; и неслучайным образом оказывается что от идеала вчерашнего дня эпоха отталкивается, но идеалы позавчерашние оказываются ближе. Так чередование эпох позволяет сохранять связность сюжета и в то же время обозначить крайние точки колебания исторического маятника, а результате – находить ту самую золотую середину, которая, по Аристотелю, является искомой нормой и целью. Важно, чтобы поколение ощутило призвание, миссию, и тогда оно становится осью, вокруг которой кристаллизуются разные возрастные группы. Так, в 1968 г. молодежь притянула к себе – как магнит – не только близких по возрасту интеллектуалов, но и таких «стариков», как Маркузе (Herbert Marcuse). Энергетика поколения в этих случаях бывает столь сильной, что она плодотворно проявляет себя в разных эпохах, как это было с поколением Французской революции или с нашими «шестидесятниками», которые и в девяностые зачастую оказывались профессиональным ядром инноваций.

Если сделать предметом рефлексии мое вхождение в «философское поколение», то взглянуть это будет примерно так. В школе я интересовался в основном литературой, много читал. Естественные для подростков мировоззренческие вопросы существовали как-то отдельно. Но в девятом классе я открыл для себя книги по философии и увлекся. К 1964 г. вышло три тома «Философской энциклопедии». Уже тогда она была затронута духом времени, не

совсем совпадала с казенной идеологией. (А два тома, вышедшие после 1967 г., в ряде статей и вовсе были прорывом в альтернативность). Листая эту энциклопедию, я сообразил: это то, что мне нужно. Попадавшиеся книги были довольно случайные, потому что это была библиотека военной части. Но были любопытные вещи: книги по индийской философии, Руссо; заглянул и в Энгельса. Последние школьные 2,5 года я жил в Германии, по месту военной службы отца, и – скажем с улыбкой – философские флюиды должны были в меня проникнуть. Как бы там ни было, я поступил на философский факультет МГУ и до сегодняшнего дня так и занимаюсь философией. О книгах надо сказать особо. Мой читательский опыт – с пяти лет до сегодняшних семидесяти – это 65 лет интенсивного чтения, поэтому трудно выделить какие-то эпохи или главные книги. Круг чтения у всех детей советского времени был примерно одинаковым – это в первую очередь приключения, путешествия, фантастика. Я читал довольно бессистемно и был ограничен фондами библиотек, поэтому мне в руки часто попадали книги взрослого круга чтения. Но в поздних классах начал читать и философию. Так, в библиотеке военной части я нашел «Индийскую философию» Радхакришнана, и она меня потрясла. В шестидесятые в моду вошел французский экзистенциальный стиль; их много переводили, потому что они были левые, друзья СССР. Со всякими экивоками и комментариями, но переводили. Поэтому современную философию можно было как-то извлекать из литературы. Но для меня лично русская литература всё-таки была главным источником философских идей. Например, Толстой и Чехов. Достоевский – намного позже. Наверное, мой тогдашний путь к философии можно так описать – через литературу. Но кого это может удивить? И сейчас, пожалуй, русская литература остается для всех возрастов преимущественным источником философской мудрости.

С темой поколений тесно связана тема «Учитель и ученик». Если и возможна оптимальная межпоколенческая трансляция культурного опыта, то это – ученичество, *Lehrjahre*. Для меня оно началось в Московском университете. Я попал в ту историческую волну, когда шестидесятники еще не были разогнаны, а контакты с Западом были более-менее спокойные, да и репрессий почти не было. Получалось, что можно было довольно уютно существовать в каких-то «пещерах». Собственно, они оказались «катакомбами» с весьма разветвленной сетью. И я попал на философский факультет, где были такие места. Это кафедра истории зарубежной философии – и по сей день одна из лучших кафедр на факультете. Я бы сказал, что это была аристократическая кафедра: там нельзя было работать, если ты не знал нескольких языков. Поэтому туда приходили не совсем случайные и преимущественно интересные люди. Там был такой цветник учителей, какого сейчас, наверное, и не может быть. В том числе люди, которых факультет приглашал читать спецкурсы. Их нельзя было взять в штат, потому что они были неортодоксальны, но можно было пригласить читать студентам курсы. Например, нам читал спецкурсы Мераб Константинович Мамардашвили: «Феноменологию духа» Гегеля в 1970 г. и «Экзистенциализм» в 1971-м – темы были не совсем обычные для того времени. И это, конечно, произвело на меня огромное впечатление. Надо учесть, что у него и стиль был особенный: стиль свободного разговора. Он писал не так блестяще, как преподавал. Он включал диктофон, набивал табаком трубку и начинал неспешно рассуждать. Для тех времен такой европейский стиль размышления был непривычен. Нашему поколению повезло, потому что на наших глазах Мамардашвили как бы «исполнял» философию: так сам он говорил. Это было очень интересно – невероятной интенсивности мысль, обращенная к ученикам. Правда, было трудно, потому что он не делал скидок для студентов. Потом – увы – у него был конфликт с руководством, и он ушел, но я до сих пор помню эти лекции. Позже у нас преподавал Александр Моисеевич Пятигорский. Он читал лекции по индийской философии – это тоже было потрясение. Мы даже плохо понимали, что он здешний, наш, московский: у него была смуглая восточная внешность, браслет на руке, глаз косил немножко.

Он ходил в свитере, рассуждал об индийской духовности – мы были почти загипнотизированы. Нелли Васильевна Мотрошилова читала лекции и вела семинары – тогда было активное начало ее преподавательской деятельности, и мы были ее первыми учениками. Она была и остается блестящим педагогом. Я думаю, что в то время почти все более-менее заметные мыслители Москвы так или иначе присутствовали на факультете. Это продолжалось до начала 70-х, когда режим стал более суровым. А нам повезло – мы попали в последние дни оттепели, когда можно было безнаказанно заниматься тем, что нам было интересно.

Сама кафедра истории зарубежной философии тоже была очень сильной. Ею тогда руководил Юрий Константинович Мельвиль, человек очень необычный. Внешне он был такой аристократический, западный, и он придерживался европейского стиля мышления. Не устарела его капитальная книга о Пирсе (Charles Sanders Peirce) [Мельвиль 1968]. Интересным было не столько его педагогическое мастерство, сколько сам тип личности. На сером советском фоне это производило впечатление. К тому же он был виртуозный администратор. Ю.К. Мельвиль был человеком известным и уважаемым в советских верхах, поэтому он так сумел отгородить свою кафедру, что ему не мешали подбирать себе интересных сотрудников. Он умел их защитить и встроить в систему. До этого, кстати, кафедрой руководил Теодор Ильич Ойзерман. Интересно, что самые свои любопытные вещи он написал в годы перестройки. Он тоже был очень нетипичным персонажем эпохи. Вошел в советский истеблишмент очень высокого ранга, дружил с Косыгиным и был настроен на определенную модернизацию. Это был такой стиль «социализма с человеческим лицом». Не скажу, что здесь присутствовал либерализм, но профессионализм – безусловно.

На этой кафедре работали мои непосредственные учителя. Сначала я увлекся индийской, а потом античной философией. Античности меня учил Арсений Николаевич Чанышев – он меня вел со студенческих до аспирантских лет. Очень необычный был человек. Он уже стоял на грани диссидентства, общался с соответствующими кругами. Чанышев был поэт, писал стихи под псевдонимом Арсений Прохожий. И вообще, он был фигурой полубогемной, что тоже студентов привлекало. Внешне он был немножко похож на Эйнштейна – растрепанный, в свитере, поэт, участник всяких кружков необычных, большой донжуан. Он не столько непосредственно учил, сколько позволял заниматься своими делами. Помогал с литературой, конечно, советовал, что почитать. Хотя можно сказать, что прямое учительство тоже было, потому что – повторяю – шла еще и другая, параллельная жизнь. Одно дело – лекции, а другое дело – кружок студентов. Мы – нас человек пять было – собирались, Чанышев нас сажал вокруг себя, читал вслух «Метафизику» Аристотеля, комментировал, обсуждал ее с нами. И вот это было реальное образование. Я сейчас думаю, что надо бы поменьше поточных лекций читать, но побольше маленьких конкретных групп создавать, которые работают на определенную задачу. Тут важно, чтобы учеников был какой-то кворум – «не меньше числа граций, не больше числа муз». Это было бы оптимально. И вот этот семинар длился, наверное, года полтора. Он очень много дал мне, гораздо больше, чем многие лекции.

Хотя лекторы у нас были блестящие. Например, Василий Васильевич Соколов. Он читал нам очень интересные и темпераментные лекции. Соколов – человек с невероятной памятью. От 30-х гг. и Института красной профессуры до сегодняшнего дня он помнил всё: события, имена, отношения людей и т. д. (Стоит обратить внимание на его опубликованные воспоминания «Философские страдания и просветления...» [Соколов 2014]) Соколов тоже «вываливался» из общей среды. Он не очень боялся идеологических начальников, с экрана телевизора мог сказать, что борьба идеализма и материализма – сомнительная схема. После этого разные лица несколько месяцев писали в «контору» докладные письма. И – кстати о поколениях – Соколов очень внимательно относился к молодежи: у него был редкий талант

находить молодые дарования и энергично их поддерживать. Совершенно восхитительным педагогом и лектором был Геннадий Георгиевич Майоров, тогда еще молодой ученый, который написал знаменитую книгу про Лейбница [Майоров 1973].

Моя первая курсовая была про Марка Аврелия. До сих пор не могу понять, почему я ее писал у выдающегося индолога Владислава Сергеевича Костюченко. А вторая работа была по Упанишадам, по индийской философии, и ее я почему-то писал у античника Чанышева. Видимо, так просто распределили курсовые. Потом я увлекся Плотиним, потом понял, что нет Плотина без Платона, потом понял, что Платона нет без досократиков – и тут застрял на Пармениде, от которого дальше обратное движение пошло. В общем, я все это время увлекался античной философией. И тут грех не сказать про второго моего учителя, неофициального. Ю.К. Мельвиль сделал так – и это был настоящий прорыв в образовании, – что можно было неофициально создавать языковые группы. Если студенты заинтересуются, например, арабской философией, то приглашают преподавателя арабского языка. Они учат с ним арабский и под его присмотром специализируются по арабской философии. Была группа арабского, испанского и китайского языков, откуда, между прочим, вышли мощные современные востоковеды. И получалось очень хорошо, потому что люди приходили туда не из формальных соображений, а увлекшись именно этим направлением. Кроме того, была группа греческого и латыни. Вести ее пригласили выпускника классической кафедры филологического факультета (тогда ею руководила Аза Алибековна Тахо-Годи) молодого аспиранта Льва Абрамовича Финкельберга. Сначала это были занятия официальные, потом группа развалилась, потому что языки были трудные. Отсеялись почти все, и в конечном счете нас осталось только двое, я и Валерий Воробьев, известный ныне логик. Но мы продолжали работать у Финкельберга дома, в такой домашней атмосфере. Это были абсолютно бесплатные занятия, более того, нас еще и чаем с тортом угощали. И там мы действительно вгрызались в античную культуру. Сами понимаете, что язык нельзя изучать без культурного контекста: там была и литература, и философия. Сейчас он и его жена Рита уехали в Израиль, и там они – известные ученые. Лев Абрамович, насколько я понимаю, занимается досократиками, а Рита (Маргалит Финкельберг, Margalit Finkelberg) – специалист по Гомеру, по архаической Греции, работы ее получили мировую известность. Если говорить об отношениях «учитель – ученик», то здесь они действительно были классическими.

После окончания университета я остался в аспирантуре, руководитель у меня был прежний, и все вроде бы шло по накатанному пути. Времена были трудные: я лет на десять застрял в должности ассистента. Пытался поехать на стажировку в ГДР, прошел все казенные круги оформления, но оказалось (вот неожиданность!), что беспартийному нельзя. К тому времени у меня уже расширился круг интересов – я преподавал немецкую классическую и античную философию, у меня был спецкурс по романтизму, по Хайдеггеру, Гераклиту. Но главная область интересов – это все-таки античная и немецкая классическая философия. Потом и русская философия Серебряного века добавилась.

Я описал три модуса учительства: приглашенные светила, мои преподаватели на кафедре истории зарубежной философии и параллельный домашний семинар Финкельберга. Но на самом деле советская система строго запрещала еще один возможный модус – это реальное создание гуманитарной научной школы. По моим наблюдениям, это отслеживалось и тут же пресекалось, потому что это уже был бы социальный субъект, не вписывающийся в систему. Разрешали существовать только каким-то кружкам – например, методологическим. Это не очень было опасно. Поэтому многие мои сверстники прошли через кружки типа кружка Щедровицкого. И таких кружков было немало. Я считаю, что в них люди тоже получали альтернативное образование. Я немножко в таком кружке тоже поучаствовал. Это был кружок нашего ровесника, Александра Васильевича Антонова. Он просто собрал людей, интересую-

щихся русской философией и связанными с этим религиозными вопросами и т. д. Это был даже не кружок, а почти салон, который собирался у студентки (в будущем – профессора) из Литвы Гражины Миниотайте, тоже нашей ровесницы. Она была как бы хозяйкой салона, такая умная красивая дама, вокруг которой собирались интеллектуалы, рассуждавшие о философии. Но мотором всего этого был Антонов – человек сократического склада, который умел одним вопросом кого-то зажечь, кого-то сбить с толку. Сей- час он довольно крупный деятель старообрядческой церкви, известный в этих кругах человек. Для меня это тоже определенный тип образования был. Потому что я человек кабинетный, диалоги вообще не очень люблю, а этот кружок меня вбросил в атмосферу острых сократовских диалогов.

Отсутствие «школы» до некоторой степени возмещалось той самой «символической средой» поколения, о которой я говорил в самом начале. Театр на Таганке, «Новый мир», не слишком громкие кинопоказы и выставки, самиздат, «бардовская» песня... Все это интегрировало поколение в некое сообщество без единого мировоззрения, но с единым фондом идей, тем, конфликтов, цитат и т. п. Стоит особо упомянуть большую роль открытых лекций, возможность которых давали вузы и различные конференции. На таких лекциях я впервые услышал Алексея Федоровича Лосева и Сергея Сергеевича Аверинцева. Это было нечто большее, чем лекции; скорее – окно в другие миры. Влияние этих мыслителей не ослабевало и позже.

Вторая половина 1970-х – это, конечно, тоска. Да и зря перестройки тоже: там уже почти ничего не было, кроме болтовни. Но зато началась эра «культурологии». Каким факультет был тогда? Аспирантские годы, конечно, уже были скучнее, потому что кто-то уехал, кто-то ушел в подполье. Вторая волна ученичества для меня, уже вроде бы сложившегося ученого, неожиданно началась в 90-е гг. Произошло вот что: рухнул марксизм, и получилось, что свято место оказалось пусто. Я точно знаю, что верхушка Министерства образования этим была весьма озабочена. Поняли, что эту лакуну надо заполнить какой-нибудь мировоззренческой дисциплиной. Но философия – это слишком сложно. Идеологические инстанции решили, что на этом месте должна быть культурология. Нужно было изобрести что-то такое гуманистическое, позволяющее мирно войти в семью народов – и придумали культурологию. Я немножко участвовал в этих организационных процессах. На Западе нет такой науки «культурологии» – там есть или культурная антропология, или история цивилизаций, или философия культуры. Но культурология – это наш продукт 90-х гг., это как бы мировоззренческая интегральная дисциплина. На Западе к нему до сих пор скептически относятся, считают, что это просто трансформировавшийся истмат-диамат, хотя это неверно.

Я тогда попал в два интересных образовательных пространства. В МГУ на философском факультете была создана культурологическая кафедра, но она была в России, кажется, второй по счету. Первая, как ни странно, была создана в МВТУ им. Баумана. Тогда модной была идея несколько огуманитарить технические вузы, и в этом смысле самый мощный проект был в Физтехе. Я туда тоже попал и заведовал соответствующей кафедрой, наверное, лет семь. Тогдашний ректор – Николай Васильевич Карлов, человек большой гуманитарной эрудиции и, что называется, «государственного» мышления – загорелся идеей создать синтез гуманитарного и естественного образования; «перебросить мостик между полушариями мозга», как он выражался. Физтех – это такая гвардия, элита, куда отбирали студентов по всему Советскому Союзу. Карлов решил, что одностороннее воспитание – это не просто плохо, но даже опасно: все-таки у этих людей в руках потом будет не только наука, но и оборонка. И он придумал довольно остроумную модель: создали факультет гуманитарных наук. Были приглашены люди, которые кое-что сделали в гуманитарных науках. На моих глазах студенты под их руководством учили древние языки, богословие, писали стихи, изучали историю музыки

и семиотику кинематографа. И делали это всерьез. Преподаватели были блестящие, конечно. С помощью Карлова мы там собрали настоящий букет интеллектуалов.

Культурологическую кафедру захотели создать и на философском факультете МГУ. Если говорить о настоящей выпускающей кафедре, то она была, пожалуй, первой в стране: кафедра истории и теории мировой культуры (ИТМК). Удивительно уже то, что ее главным создателем был студент второго курса Валерий Яковлевич Саврей. У него была идея, даже миссия: он решил, что должен собрать великих ученых вокруг проекта культурологии. Саврей увлекался гуманитарными науками, увидел, сколько в России таких разрозненных звезд, и попытался создать из них созвездие. Но самое удивительное, что он сделал это. Он лично пообщался со всеми учеными, увлек наше начальство своим замыслом. Невероятной энергии был этот молодой человек (он сейчас профессор в университете). Он даже с Раисой Максимовной Горбачевой поговорил и заручился ее поддержкой. Правда, очень помогли тогдашние декан Александр Владимирович Панин и замдекана Владимир Васильевич Миرون: им эта идея тоже понравилась. В.В. Миرون и далее все долгие годы своего деканства всемерно поддерживал ИТМК. Ректор был совсем не против, он понял, что для университета это будет очень престижно. В начале 90-го это был просто лекторий, а с 1991 г. – уже самостоятельно работающая кафедра. Собралось невероятное созвездие: Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, С.С. Аверинцев, Г.С. Кнабе, Е.М. Мелетинский, А.Я. Гуревич, М.Л. Гаспаров, Б.А. Успенский, Н.И. Толстой, Н.В. Брагинская, В.В. Библихин, М.И. Свищерская, В.В. Вертоградова, В. Н. Романов и др. (всегда неловко прерывать такие перечни: заранее прошу коллег и учителей меня извинить). С 1991-го по 1993-й там была конstellляция звезд международного масштаба. Характерно, что никаких межпоколенческих проблем не было. Напротив, возникла на короткое время как бы надвременная Касталия, «туннель» между 30-ми и 90-ми, в котором все друг другу были интересны и важны. И конечно, я у них учился.

Я тогда тоже перешел на эту кафедру и помогал в ее организации. Был создан свой журнал («Мировое древо»), шли формальные и неформальные семинары, проводились публичные лекции. Это был гуманитарный центр с мощнейшим духовным излучением. Потом, правда, этот формат изменился, потому что в 93-м Афанасьев «переманил» ядро группы ученых в РГГУ. Им создали должные условия, и они дружно туда ушли. И вот, если говорить об учителях, то не только студенты, но и я тоже, – все мы увидели, что такое настоящие ученые, которые с вами общаются на равных, думают при вас и с вами. Характеры и темпераменты у них были разные, но не было никакого снобизма. Кафедра, получившая такой импульс, и сейчас успешно существует. И она – одна из лучших в стране.

Первый шаг, который необходимо было сделать, – наладить междисциплинарный диалог, что тоже было непросто. Но на самом деле ученые уже работали в таком режиме. В 60–70-е годы московская и тартуская школа семиотики двигались именно в этом направлении. Они уже протоптали своего рода тропинки от филологии и истории к математике, нейрофизиологии, космологии. Философия меньше всего там участвовала, но были люди философски подкованные, такие как В.Вс. Иванов, Г.С. Кнабе или С.С. Аверинцев. Поэтому первая стадия была фактически реализована уже до создания кафедры: было создано пространство междисциплинарной коммуникации.

Потом культурологию захлестнула волна популярности. Она заменила собой диалог в вузах, и преподавать ее, соответственно, стали бывшие преподаватели истории КПСС и т. п. В результате получилось, что настрогали множество книг – полки сейчас забиты учебниками по культурологии, которые невозможно читать, – и как-то в культурологии разочаровались. Ее потеснили более традиционные науки. Философия, например, в начале нулевых годов переживает какой-то реванш. И все-таки культурология состоялась как наука.

В формуле «учитель – ученик», о которой шла речь, оба элемента равноценны. Поэтому – несколько слов об учениках. Рискну признаться, я не был идеальным учителем. Мне было интересно читать лекции: их слушатели, надеюсь, могли чему-то научиться. Но как научный руководитель, я предпочитал предоставлять полную свободу ученикам, лишь ориентируя в литературе и помогая с редактурой текстов. Поэтому достижениями мои ученики обязаны своим собственным усилиям. Правда, мне везло на учеников, и поэтому «метод» обычно оправдывал себя. Стоит напомнить, что власти не любили, когда у гуманитариев формировалось что-то вроде научной школы; но полноценное ученичество возможно лишь в пространстве «школы» с ее преемством, традицией, авторитетом и дискуссиями. Поэтому я не могу составить список учеников и не уверен, что те, чьи имена я мог бы назвать, согласятся считать себя моими учениками. Как бы там ни было, меня очень радуют успехи бывших студентов. Упомяну лишь некоторых: создатель и руководитель современного формата философского факультета МГУ, серьезный исследователь и блестящий публицист В.В. Миронов; замечательные историки философии (и руководители подразделений МГУ) В.В. Васильев, А.А. Кротов, Д.А. Лунгина; знатоки немецкой философии, вошедшие в международную научную элиту, Н.С. Плотников, П.В. Резвых, И.А. Болдырев... С интересом слежу за успехами А.В. Хитрова. Замечу, что сравнительно молодое поколение учеников отличается широким спектром интересов и сфер деятельности. Иван Болдырев – философ, экономист, литературовед, переводчик. Арсений Хитров – философ, культуролог, социолог, киновед, публицист. Оба – социально активны. Что это – печать времени или склад личности? Это же замечаю у своих еще более молодых учеников в НИУ ВШЭ. Вот где для ответа нужна культурология поколений.

Еще один важный элемент в системе «учитель – ученик» – среда общения: это медиум, позволяющий (или мешающий) поколенческим отношениям быть культурно плодотворными. Об МГУ я уже говорил, но нельзя забыть и Институт философии РАН. Всегда активно сотрудничал с Институтом философии. Да и вряд ли могло быть по-другому: институт был тесно связан с философским факультетом и людьми, и профессиональными задачами. В Институте философии работали мои учителя; в секторе Н.В. Мотрошиловой я чувствовал себя не гостем, а членом сообщества; именно в Совете ИФАНа, в зале, где когда-то на голицынских балах танцевал Пушкин, я защищал докторскую. В 90-е даже собирался перейти в сектор А.А. Гусейнова: сейчас уже точно не скажу почему. Кажется, захотелось пожить без преподавательской нагрузки, что-то написать.

Духовная атмосфера – как и всякая атмосфера – это субстанция деликатная и изменчивая. Но если отважиться на сравнение, то заметно, что различия логично следуют из характера самих корпораций. Институт философии был и остается центром теоретических исследований, генератором главных текстов нашей современной философии. Так получилось, что в советские времена степень академической свободы была в ИФАНе чуть выше, чем в вузах, да и свободолюбивое поколение 60-х было лучше представлено. Поэтому там сложилась собственно философская атмосфера с ее неотъемлемыми особенностями: поиски, дискуссии, авторская самобытность, быстрый отклик на вызовы современности, некоторая фронда, если угодно. МГУ находился под более плотной опекой властей, и атмосфера казенного заведения была там достаточно густой. Но было и то, что нельзя отнять у университета: удивительный креативный эффект встречи поколений, интересных друг другу, готовых учиться друг у друга. Энергия молодости пробивалась сквозь «асфальт» даже в худшие времена. Особенность же Вышки (НИУ ВШЭ, официально говоря) в том, что это было дитя больших перемен (и больших инвестиций), экспериментальный университет, осознающий свою миссию синтеза западных образовательных моделей и традиций российской интеллигенции. В свое время эта «алхимия» давала поразительные результаты: хороший пример – создание А.М. Руткеви-

чем (кадровым сотрудником ИФРАНа) философского факультета, который быстро стал вровень с лучшими философскими центрами страны. Сейчас Вышка переживает некоторый кризис, и именно «атмосфера» стала одной из его жертв, но, надеюсь, что это не навсегда.

Можно ли обобщенно говорить об основных чертах моего философского поколения? Ответить на этот вопрос по существу – совсем не тривиальная задача. Финальной границы поколения еще – к счастью – нет. Но также не очень ясно, где провести во времени начальную границу? Возможно, 1968 г. Год, который для западной молодежи был карнавалом Мая, а для нас Августом, с его операцией «Дунай». Так оно дальше и пошло – в застой 70-х и 80-х. (Впрочем – *post festum* – и для западных ровесников похмелье было тяжелым.) 90-е, конечно, – это совсем другая эпоха. Но к тому времени мое поколение уже, как мне кажется, выдохлось, потеряло пассионарность.

Специфика его «проблемного поля» была, видимо, в доминанте истории философии. «Шестидесятники» не расставались с мечтой о марксизме «с человеческим лицом». Люди же «девяностых» уже могли напрямую подключиться и к западным дискурсам, и к отечественным социальным дискуссиям. Наше же поколение все эти проблемы пропускало через призму истории философии. Даже современная философия, которую положено было «критически» анализировать, рассматривалась тогда скорее в историко-философской оптике. При этом были неизбежны aberrации, но зато обреталась связь с мировой культурой, по которой ностальгически тосковали послевоенные поколения. По Блоку, рожденные в «глухие года» не должны помнить своего пути, но для нас парадоксальным образом именно память о путях мировой культуры стала спасительной почвой.

Мне «изнутри» представляется, что наше поколение было «lost generation». Но когда я читаю книги сверстников, то понимаю, что это все же не так: сделано немало. Скажем, был ведь В. Подорога с его неслучайной славой и влиянием. Международное признание получили наши востоковеды (среди которых было много философов) и логики. В 2017 г. вышла книга голландского исследователя Эверта ван дер Звейрде «Взгляд со стороны» [Звейрде 2017], в которой он дал панорамную картину позднесоветской и постсоветской философии. Оказалось, что называть это время бесплодным и неинтересным никак нельзя. И все же для «включенного наблюдателя» стать судьей поколения непросто. Ведь для этого нужен именно «взгляд со стороны», а для него надо выйти из живой еще среды. Пусть время дает ответ на этот вопрос. Или же – другие поколения.

Звейрде Э. ван дер. 2017. *Взгляд со стороны на историю русской и советской философии*. – СПб.: Алетейя.

Майоров Г.Г. 1973. *Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница*. – М.: Изд-во МГУ, 1973.

Мельвиль Ю.К. 1968. *Чарлз Пирс и прагматизм*. – М.: Изд-во МГУ.

Соколов В.В. 2014. *Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России. Воспоминания и мысли запоздалого современника*. – М.: Центр стратегической конъюнктуры.